

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, № 4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, № 4

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, № 4

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Гатин М. С., Абзалов Л. Ф., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю.</i> Эволюция статуса раиса в государствах Средневековья и Нового времени (опыт сравнительного анализа)	7
<i>Горячев А. А.</i> Захоронения кремированных останков в керамических урнах по материалам могильников эпохи бронзы Семиречья (Юго-Восточный Казахстан)	26
<i>Марсадолов Л. С.</i> О каменных изваяниях из Тувы (по материалам экспедиций Александра Даниловича Грача)	50
<i>Пилипенко А. С., Трапезов Р. О., Черданцев С. В., Томилин М. А., Папин Д. В.</i> Предварительные результаты палеогенетических исследований Бобровского грунтового могильника (леосостепной Алтай)	70
<i>Ходжаева Н. Дж.</i> К вопросу о семантике изображений на крышке сосуда с Тахти-Сангина	93
<i>Шнайдер С. В., Холматов Н. У., Рахимжанова С. Ж., Федорченко А. Ю., Рендю У, Марковский Г. И.</i> Неолитические материалы со стоянки Тепакуль-4 (Зеравшанский хребет, Узбекистан)	114

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Китинов Б. У.</i> Туглук Тимур и особенности политико-религиозного развития Могулистана (середина XIV в. — начало XV в.)	137
<i>Баимов А. Г., Тузбеков А. И.</i> Эзотерики в археологическом пространстве Республики Башкортостан: нетнографическое исследование	165
<i>Петров И. Г.</i> Пища и связанные с ней запреты и ограничения в похоронно-поминальной обрядности чувашей	187
<i>Садалова Т. М.</i> О характеристике богатырского лука в эпических сказаниях	205

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Ворошин С. Д.</i> Репрезентации феномена святости в искусстве строгановских вотчин в контексте государственно-конфессиональной политики	220
<i>Дашковский П. К., Ильин В. Н.</i> Численный состав и классификация старообрядцев Томской губернии в последней четверти XIX — начале XX в. в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи	240
<i>Чуркин М. К., Маткаримова С. М., Абдуллаева Н. Б.</i> Дискурс и практики переселенческого дела в Туркестанском крае во второй половине XIX — начале XX в.: этноконфессиональный аспект	259

ДЛЯ АВТОРОВ	280

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 4

Section I. **ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY**

<i>Gatin M. S., Abzalov L. F., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu.</i> Evolution of the legal status of ra»is in the states of Medieval and Modern Ages (comparative analysis).....	7
<i>Goryachev A. A.</i> Cremated remains in ceramic urns from Bronze Age burials in South-Western Semirechye.....	26
<i>Marsadolov L. S.</i> On stone sculptures from Tuva (based on the materials of the expeditions of Aleksandr Danilovich Grach).....	50
<i>Khojaeva N. J.</i> On the semantics of images on the lid of a vessel from Takht-i Sangin	70
<i>Shnaider S. V., Kholmatorov N. U., Rakhimzhanova S. Z., Fedorchenko A. Y., Rendu W., Markovskii G. I.</i> The Neolithic complex of the Tepakul-4 site (Zeravshan range, Uzbekistan)	93
<i>Pilipenko A. S., Trapezov R. O., Cherdantsev S. V., Tomilin M. A., Papin D. V.</i> Preliminary results of paleogenetic studies of the Bobrovsky ground burial (forest-steppe Altai)	114

Section II. **ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY**

<i>Kitinov B. U.</i> Tughluk Timur and the Peculiarities of the Political and Religious Development of Moghulistan (mid-14th century — early 15th century)	137
<i>Baimov A. G., Tuzbekov A. I.</i> Esoterica in the archaeological space of the Republic of Bashkortostan: netnographic research.....	165
<i>Petrov I. G.</i> Food and related prohibitions in Chuvash funeral and memorial rites.....	187
<i>Sadalova T. M.</i> On the characteristics of the Heroic Bow in Epic Tales	205

Section III. **RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS**

<i>Voroshin S. D.</i> The phenomenon of holiness and its representations in the art of Stroganov estates in the context of state-confessional policy	220
<i>Dashkovskiy P. K., Ilyin V. N.</i> Numerical structure and classification of the old believers of the Tomsk province in the last quarter of the 19 th — beginning of the 20 th centuries in the context of the state-confessional policy of the Russian empire	240
<i>Churkin M. K., Matkarimova S. M., Abdullaeva N. B.</i> Discourse and practices of migration in Turkestan region in the second half of the 19 th — early 20 th centuries: ethno-confessional aspect	259

FOR AUTHORS	280

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 297.1

DOI 10.14258/nneur(2025)4–07

Б. У. КИТИНОВ

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ТУГЛУК ТИМУР И ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО- РЕЛИГИОЗНОГО РАЗВИТИЯ МОГУЛИСТАНА (СЕРЕДИНА XIV В. — НАЧАЛО XV В.)

В настоящей статье изучаются особенности политико-религиозного развития Могулистана (То-хор (на тибет.), Си-юй (на кит.)) при Туглук Тимуре и его преемниках. Выделены два периода в политико-религиозном развитии государства: первый (1347–1365 гг.) и второй (1365–1410-е гг.), их разделение обусловлено политическими событиями и сложным характером взаимодействия региональных лидеров: в первом периоде Туглук Тимур объединил улус Чагатая, но его сын Илйас Ходжа не смог сохранить власть; второй период характеризуется неудачной борьбой Камар ад-Дина с Тамерланом, после чего ханами стали другие потомки Туглук Тимура.

Автором уточняются религиозные течения, имевшие распространение в Могулистане: из ислама — *катаки* (шейх Джамал ад-Дин; маулана Аршад ад-Дин, от которого принял ислам Туглук Тимур), из буддизма — течения *Кагью* (ламы: Чатэл Ченпо; Сангье Рипа, ставший Государственным Наставником Могулистана; Кармапа Ролпэ Дорджэ, приглашенный в Могулистан лично Туглук Тимуром). По мнению автора, ранее религиозный фактор повлиял на определении северной части Могулистана как *Калмак* в значении местожительства тех, кто «остался в прежней вере». К местным *калмакам* следует отнести уйгуров (сариг-уйгуров), среди которых мог вырасти Туглук Тимур, в среде которых позже скрывался его сын Хизр Ходжа. Указанные выше обстоятельства составляют новизну исследования.

Кризисное развитие государства во второй половине XIV в. в условиях нашествия Тамерлана актуализировало религиозный фактор, когда Могулистан стал известен как *Джете* (разбойники) и *Кафиристан* (страна неверных, кафиров) по причине наличия населения, определяемых как «еретики» (следующие учению *катаки*) либо «языч-

ники». Тогда же в результате борьбы дуглатов с эркенутами победил Хизр Ходжа, ставший ханом Могулистана, а его соперник Гунашири возглавил буддийский Хами.

Падение центральной власти, активность исламских проповедников из Мавераннахра и уничтожение значительной части населения в северной части страны вызвали ряд цепных реакций, специфически повлиявших на дальнейшую региональную историю. К наиболее значимым последствиям следует отнести постепенное усиление в Могулистане влияния тариката *Накибандийа* и миграцию ойратов из Западной Монголии на его северо-восточные земли (*Калмак*). Последнее было обусловлено рядом причин, в том числе борьбой ойратов с восточными монголами за лидерство в Монголии и ролью их лидеров-чоросов, сородичей чурасов Могулистана. Эти процессы шли на фоне актуализации политического, этнического и религиозного факторов, охвативших всю эту часть Центральной Азии после падения династии Юань, кризиса власти чингизидов и начала влияния Минского Китая.

Ключевые слова: Туглук Тимур, Тамерлан, ислам катаки, буддизм Кагью, Могулистан, Калмак, Джете, улус Чагатай, Тибет, Китай, ойраты, монголы, чингизиды

Для цитирования

Китинов Б. У. Туглук Тимур и особенности политико-религиозного развития Могулистана (середина XIV в. — начало XV в.) // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 4. С. 137–164. DOI 10.14258/nreur(2025)4–07.

Китинов Баатр Учаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва (Россия). **Адрес для контактов:** b.kitinov@ivran.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4031-5667>

B. U. Kitinov

Institute of Oriental studies of the Russian academy of sciences, Moscow (Russia)

TUGHLUK TIMUR AND THE PECULIARITIES OF THE POLITICAL AND RELIGIOUS DEVELOPMENT OF MOGHULISTAN (MID-14TH CENTURY — EARLY 15TH CENTURY)

The article examines the specific features of the political and religious development of Moghulistan (Stod hor in Tibetan, Xi-yu in Chinese) under Tughluk Timur and his successors. Two periods in the political and religious development of the state are distinguished: the first (1347–1365) and the second (1365–1410s). Their division is conditioned by political

events and the complex nature of the interactions between the regional leaders: in the first period, Tughluk Timur united the Chagatai ulus, but his son Ilyas Khoja failed to retain power; the second period was characterized by the unsuccessful struggle between Qamar al-Din and Tamerlane, after which other descendants of Tughluk Timur became khans.

The author clarifies the religious movements that were widespread in Moghulistan: the Islamic Qataqi (Sheikh Jamal al-Din; Maulana Arshad al-Din, from whom Tughluk Timur converted to Islam), and the Buddhist Kagyu sect (lamas: Chathel Chenpo; Sangye Ripa, who became the State Tutor of Moghulistan; Karmapa Rolpe Dorje, personally invited to Moghulistan by Tughluk Timur). According to the author, the religious factor previously influenced the definition of the northern part of Moghulistan as Qalmaq, meaning the place of residence of those who “remained in the previous faith”. The local Qalmaq people should include the Uighurs (Sarig Uighurs), among whom Tughluk Timur could have grown up, and among whom his son Khizr Khoja later hid.

The state's crisis in the second half of the 14th century in conditions of Tamerlane's conquest brought the religious factors into sharp focus, as Moghulistan became known as Jete (bandits) and Kafiristan (country of infidels, kafirs) due to the presence of population classified as “heretics” (those, who follow the teachings of the Qataqi) or “pagans”. At the same time, the struggle between the Dughlats and the Erkenuts resulted in the victory of Khizr Khoja, who became the Khan of Moghulistan, while his rival, Gunashiri, became the head of the Buddhist Hami.

The crisis of central authority, the activity of Islamic preachers from Maverannahr, and the extermination of a significant part of the population in the northern part of the country triggered a series of reactions that had a specific impact on the region's subsequent history. Among the most significant consequences were the gradual strengthening of the influence of the Naqshbandi tariqa in Moghulistan and the migration of Oirats from Western Mongolia to Moghulistan's northeastern lands (Qalmaq). The latter happened due to a number of reasons, including the Oirats' struggle with the Eastern Mongols for leadership in Mongolia and the role of their Choros leaders, relatives of the Churas of Moghulistan. These processes unfolded against the backdrop of the increasing political, ethnic, and religious factors that engulfed this entire region of Central Asia after the fall of the Yuan dynasty, the crisis of Chinghizid power and the rising leverages of Ming China.

Keywords: Tughluk Timur, Tamerlane, Islamic Qataqi, Buddhist Kagyu, Moghulistan, Qalmaq, Jete, the Chagatai ulus, Tibet, China, Oirats, Mongols, Chinghizid

For citation:

Kitinov B. U. Tughluk Timur and the Peculiarities of the Political and Religious Development of Moghulistan (mid-14th century — early 15th century). *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, № 4. P. 137–164. DOI 10.14258/nreur(2025)4–07.

Baatr Uchaevich Kitinov, doctor of historical sciences, leading researcher of the Institute of Oriental studies of the RAS, Moscow (Russia). **Contact address:** b.kitinov@ivran.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4031-5667>

Введение

В истории Могулистана самым известным правителем был Туглук Тимур (1329/1330–1363), сыгравший принципиальную роль в обращении местных народов в ислам. Период его правления, а также его преемников изучен в целом неплохо, особенно с учетом ограниченного количества источников. Жизнь и деятельность Туглук Тимура описаны в различных источниках, которые мы в целом подразделяем на тюрко-мусульманские и тибетско-буддийские. Основными источниками для настоящей статьи стали две известные работы: «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммад Хайдара (1499–1551) и «Синяя книга» Гой лозцавы Шоннубала (1392–1481).

Ценные сведения предоставляет «Тарих-и Рашиди», где отмечено, что в Могулистан «хан [Туглук Тимур] в возрасте 16 лет был доставлен из калмаков Амиром Буладжи; в возрасте 18 лет он стал ханом. В возрасте 24 лет он был обращен в ислам и умер в возрасте 34 лет. Он родился в 730 г. (1329–1330 гг.)» [Хайдар, 1996: 38]. В этих предложениях в конспективной форме дается большой массив информации, значительная часть материала в нашей статье также изложена в соответствующей логике. Таким образом, изучается эволюция ситуации в Могулистане в контексте его политико-религиозного развития¹. Хронологический период — с середины XIV в. по начало XV в., когда случились важные события в истории региона начиная с правления Туглук Тимура и до появления там ойратов.

Политическая история региона

Могулистан охватывал огромный регион от оазисов Яркенда и Хотана на юге до Алтайских гор на севере, от Балхаша и Семиречья на западе до Карашара и пустыни Такла-Макан на востоке; границы этого государственного образования были достаточно подвижны. До середины XIV в. регион пребывал в составе улуса Чагатая (1183–1242). На стыке XIII–XIV вв. государство возглавлял хан Дува (прав. 1282–1307), праправнук Чагатая. Дува играл видную роль в истории этой части Центральной Азии, в союзе с Хайду (прав. 1271–1301, внук Угэдэя (1186–1241)), выступивший против Хубилая (прав. 1271–1294, внук Чингисхана, основатель династии Юань) в последней четверти XIII в. Последующими главами улуса были его сыновья (напр., Исен Бука (прав. 1310–1318), Кебек (1318–1326)), после Тармаширина (прав. 1326–1334) почти все ханы правили не более двух-трех лет. Они уже не контролировали центробежные процессы, и после убийства Казан-хана (прав. 1343–1346) улус распался на две части: западную (Мавераннахр) и восточную (Могулистан).

Острый политический кризис в государстве чагатаидов, длившийся около сорока лет, начиная со смерти Дувы (1307), вынуждал лидеров Могулистана искать правителя, чей авторитет мог принести стабильность и порядок. Эмир Пуладчи стоял во главе наиболее влиятельного в Могулистане народа дуглатов, его авторитет признавали все правители этого государства; ему фактически подчинялись «Семиречье, районы к югу от Иссык-куля и Восточный Туркестан от Кашгара до Кучара, т. е. без террито-

¹ Под политико-религиозным развитием автор понимает совокупность политических и религиозных процессов с выделением ключевых фигур (политических и религиозных деятелей, в том числе религиозных школ), их решений и действий, обусловивших изменения в различных сферах общественной и религиозно-культурной жизни регионального сообщества.

рии Кочо» [Зотов, 1999: 69]. Пуладчи решил найти и посадить на трон потомка Чагатая, для чего отправился в северную часть государства.

В. В. Бартольд писал: «эмир Пуладчи в 1348 г. привез из Кульджинского края в Аксу, через проход Музарт, восемнадцатилетнего царевича Туклук-Тимура, объявил его внуком Тувы и заставил всех признать его ханом» [Бартольд, 1943: 65]. Деятельность этого хана оставила значительный след в истории Центральной Азии.

Политическое развитие Могулистана в период ханства Туглук Тимура (прав. 1347–1362/1363) и его преемников в изучаемый период состояло из двух этапов. Первый (1347–1365) заключал в себе две взаимоувязанные части, из которых начальная состояла в «собрании земель» восточной части улуса Чагатая. Источник признает ограниченность в сведениях этого периода деятельности Туглук Тимура [Хайдар, 1996: 31], сведения «Зафар-намэ» также предоставляют данные скорее более позднего периода, 1360-х гг., обозначенных нами как заключительная часть. Ее основное содержание заключалось в борьбе за западную часть улуса, когда хан после двух походов 1360 и 1361 гг. подчинил себе Мавераннахр [Шараф, 2008: 20, 25]; в «Тарих-и Рашиди» отмечено, что хан «во время своего правления захватил [не только] весь Моголистан, но даже большую часть владений Чагатая» [Хайдар, 1996: 27]. В Мавераннахре остался править его сын Ильяс Ходжа, сам хан «в величии и почете воротился в свою страну» [Шараф, 2008: 26]. Когда в 1363 г. Туглук Тимур скончался, Ильяс Ходжа бежал обратно в Могулистан и возглавил его. Его правление, видимо, не было отмечено значимыми событиями. Спустя год он был убит Камар ад-Дином (брат скончавшегося эмира Пуладчи), который стал новым правителем.

Именно с Камар ад-Дина следует второй этап (1365–1410-е гг.) в политическом развитии Могулистана; год начала указан в источнике: «[События] после смерти Туглук Тимур хана, о которых рассказывают моголы... произошли большей частью после смерти Ильяс ходжа хана» [Хайдар, 1996: 61], т. е. начиная с 1365 г.

Несмотря на довольно продолжительное правление Камар ад-Дина (прав. 1365–1389), он не был признан целым рядом народностей Могулистана, а его внутреннее управление не принесло процветания: «Эмир Камараддин занялся управлением и устройством дел Моголистана, однако из-за противодействия эмиров положение его было непрочным» [Хайдар, 1996: 62]. Его статус был нелегитимен, так как к власти он пришел через убийство Ильяс Ходжи, чингизида. С целью укрепления своих позиций он совершил набег на Мавераннахр, что привело его к столкновению с Тамерланом уже в 1370–1371 гг., когда войска первого отступили. Спустя год Тамерлан дошел до Уч-Турфана, Камар ад-Дин вновь бежал.

При таком очевидном политическом кризисе в Могулистане противостоявшие друг другу кланы и народы (где лидерами были дуглаты и эркенуты) не могли выдвинуть своих лидеров в ханы, так как те не были чингизидами. Дуглатский Худайдат (сын эмира Буладжи) поддержал кандидатуру Хизр Ходжи, уцелевшего сына Туглук Тимура. Мать сохранила его, спрятав в Кашгаре, затем он скрывался в Хотане и у желтых уйгуров (Sarigh-Uigur) [Bretschneider, 1888: 228]; про пребывание мальчика у сариг-уйгуров писал и М. Хайдар [Хайдар, 1996: 81]. Под желтыми уйгурами (сариг-уйгурами)

следует понимать предков нынешних сарыг-югуров, сохранивших веру предков (буддизм) [Тенишев, Тодаева, 1966: 7, 38].

Этот момент представляется крайне важным для уяснения прежнего религиозного окружения Туглук Тимура — ведь фактически его сын скрывался у калмаков, возможно, у потомков тех же людей, среди которых рос сам Туглук Тимур! Также надо иметь в виду, что к указанному времени эти уйгуры уже переселились с северной стороны Тянь-Шаня на южную. Комментаторы М. Хайдара пишут: «Сариг-уйгур — название области «желтых уйгуров» на юго-восточной границе Восточного Туркестана (восточнее Черчена) и южнее озера Лоб-нор» [Хайдар, 1996: 610]. Этот же регион отмечает и китайский исследователь Фэн Цзя-шэн: под землями, занятыми «уйгурами Западного округа», «надо понимать территории между Кучей и Ганьсу (с запада на восток) и между северными отрогами восточной части Тяньшаня и пустыней Такламакан (с севера на юг) с центром в Турфанском оазисе» [Малявкин, 1974: 134]. Следовательно, Хизр Ходжа вначале укрывался на самой юго-западной окраине Могулистана (Кашгар), затем его отправили в более южный Хотан, и оттуда — в регион ближе к Тибету (стык юго-востока Могулистана и юго-запада Восточного Туркестана), где все еще жили уйгуры-буддисты (между Черченом и Лоб-нором, к реке Черчен-Дарья).

В свою очередь эркенутский лидер Анка Тура обратился к Гунашири, другому потомку Чагатая, в то время кочевавшему в Северной Монголии, с предложением возглавить государство. Однако их встреча не состоялась из-за начавшихся боевых действий: согласно Шараф-ад-Дину, в конце 1387 г. многочисленное войско из Джете (Могулистана) во главе с Анка Тура напало на Сайрам и Ташкент, в надежде разгромить многочисленные гарнизоны Тамерлана, отправившегося в очередной поход. Против Анка Тура выступил Умаршайх, и после нескольких столкновений джетинцы дрогнули: «Анка Тура не устоял, и ушел в сторону Кафиристана. Войско царевича Умаршайха преследовало их до трех дней пути и многих поубивало из войска Джете» [Шараф, 2008: 124]. Характерно, что под *Кафиристаном* в данном случае подразумевался Могулистан, вообще же это слово могло соотноситься с любым регионом, где могли жить враги ислама (в данном случае, скорее, враги Тамерлана). У Шараф-ад-Дина ранее давалась религиозная оценка жителям Могулистана: «В тот год Кабана (1383) государь Сахибкиран [т.е. Тамерлан] эмирзаде Алийа отправил с войском в сторону Джете, многие из которых были неверными, кяфирами» [Шараф, 2008: 102]. Судя по всему, наличие в этой части бывшего Чагатайского улуса большого числа не-мусульман, а также мусульман, воспринявших «еретическое», с точки зрения тимуридов, учение *катаки*, послужили причинами появления такого уничижительного термина, как *Джете* («разбойники», в переводе В.В. Бартольда [Бартольд, 1943: 66]), сопоставимого с понятием «неверные» (*кафиры*). Сами же воины Тамерлана описываются как «победоносные борцы за веру», которые вели «священную войну с еретиками и зачинщиками разлада» [Материалы, 1973: 138].

Вот что писал Э. Бретшнейдер: «Не может быть никаких сомнений, что под Би-ши-ба-ли или Бишбалык (название империи впоследствии было изменено на И-ли-ба-ли или Илибалик) китайцы с конца четырнадцатого по шестнадцатый век понимали во-

сточную часть так называемой «Срединной империи», первоначально приписанной второму сыну Чингисхана, Чагатаю. Как можно доказать сравнительными исследованиями, Би-ши-ба-ли в «Истории Мин» — это то же самое, что и империя Джете (Jetes) или Гете (Getes) у мусульманских хронистов того же периода. На западе она была известна также под названием Могулистан» [Bretschneider, 1888: 225, сн. 1013]. А. Г. Малявкин тоже пишет, что Могулистан называется в китайских источниках XV в. как Geta и Jatah [Малявкин, 1974: 173, сн. 775]. В. В. Григорьев был уверен, что слово Джете, как и Могулистан, появилось лишь при Тамерлане [Григорьев, 1873: 313, сн. 47].

Что касается Анка Туры, то он был разбит на своих кочевьях в Семиречье и позже у оз. Алаколь. Тамерлан направил отдельный отряд к Иртышу, где остатки могулистанских войск были окончательно рассеяны. На обратном пути они разными маршрутами прошли практически по всему северному Могулистану, и, захватив богатую добычу, вернулись в Фергану [Шараф, 2008: 133]. Таким образом, 1389 г. стал годом ухода с политической сцены Камар ад-Дина и Анка Туры, а в северной части Могулистана (в *Калмаке*) остались править представители Тамерлана. Позже он организовал еще два похода для «искоренения Джетинского улуса» [Материалы, 1973: 139; Шараф, 2008: 135–137], когда были разбиты силы Хизр Ходжи и Камар ад-Дина, причем последний вновь ушел в сторону Иртыша [Материалы, 1973: 143–144]. В конце концов Хизр Ходжа возглавил Могулистан (прав. 1389–1399). Он смог помириться с Тимуром и выдал за него свою дочь [Материалы, 1973: 144].

Приглашенный Анка Турой Гунашири отправился в Могулистан не напрямую через Западную Монголию, но предпочел южный путь, через Хами. Причиной Ким Ходонг видит две основные причины: войну Тамерлана с Анка Турой и угрозу его личной безопасности со стороны ойратов, в то время занимавших Западную Монголию [Hodong, 1999: 310]. Дело в том, что Гунашири был дружен с Токуз Тимуром, внуком Тогон Темура, последнего юаньского императора, с которым (с Токуз Тимуром) враждовали ойраты и который был убит с их помощью. Гунашири остановился в Хами и стал его правителем. В то время Турфан и Хами пребывали под управлением уйгуров-буддистов, эти оазисы не были в составе Могулистана.

Таким образом, политическое развитие Могулистана прошло через два этапа: первый в 1347–1365 гг., второй в 1365–1399 гг., причем первый этап состоял из двух частей: объединение Могулистана и объединение улуса Чагатая. Правление Ильяс Ходжи было кратковременным, внутригосударственная политика Камар ад-Дина была в целом безуспешной, а столкновение с Тамерланом вызвало походы Сахибкирана в Могулистан. Тогда страна получила новое название, основанное на социально-религиозном факторе: *Джете* (местопребывание разбойников) и *Кафиристан* (страна неверных) как местожительство *кафиров*. Попытки разрешить политический кризис поляризовали могулистанские политические кланы: дуглатский Худайдат поддержал кандидатуру Хизр Ходжи, выжившего сына Туглук Тимура, а эркенутский Анка Тура — Гунашири, другого чагатаида. Камар ад-дин и Анка Тура были разбиты Тамерланом, который опустошил северный Могулистан. Гунашири остался править в Хами, где все еще преобладали уйгуры-буддисты.

Могулистан и Калмак

Слово Могулистан означает «страна могулов» (или-Могул), оно произошло от произношения слова «монгол» как «могол/ могул» тюрками Центральной Азии, и обозначает восточную часть улуса Чагатая, тогда как слово Мавераннахр (часть Восточного Хорасана, запад улуса Чагатая) произошло от араб. *ma vara*» *an-nahr* (То, что за рекой; Заречье) и появилось после арабских завоеваний VII–VIII вв.

Для тибетской историографии Могулистан был известен как *То-хор* (*Stod hor*), он был традиционно важен для Тибета, поскольку сменявшие там друг друга кочевники могли нести угрозу для его северо-запада. К То-хор также относили и более восточный регион, известный как Восточный Туркестан, с которым Тибет связывали и религиозные отношения — в оазисах последнего (Турфан, Хами, Кочо) развивались различные направления буддизма.

Особенную актуальность *То-хор* обрел для тибетских правителей после монгольских завоеваний, поскольку оттуда стали совершаться набеги на тибетские земли. Наиболее драматичные события происходили во второй половине XIII в., когда после смерти Мэнгу-хагана в 1259 г. единая империя монголов начала дробиться.

«Тибетцы в древности, по-видимому, не отличали монголов от тюрков и всех называли хорами» [Дамдинсүрэн, 1957: 216]. Этот момент хорошо прослеживается в известном труде тибетского историка XIV в. Кунга Дорджи: приводимая им информация про *хор-по* в отношении событий второй половины IX в. имеет четкую привязку к региону, где располагались уйгуры [Roerich, 1949: part 1, p. XVII], тогда как при освещении эпохи войн Чингисхана и его преемников — с монголами (*hor rgyal po ching ges* — хорский, т.е. монгольский правитель (*гьял-по*) Чингис). Таким образом, эти кочевники были известны как *хоры* (*хорцы*), и они делились на *верхних* (*stod*, северо-западных) и *нижних* (*smad*, юго-восточных). Соответственно, народы, населявшие регион *То-хор*, стали зваться *то-хорами*. С. Ч. Дас в своем знаменитом «Тибетско-английском словаре», включающим в свой состав целые предложения из исторических сочинений, особо отметил, что *то-хор* (*stod hor*) обозначает ровно то же, что и *то-сог* (*stod sog*), а именно «татаров Бухары и Хотана» [Das, 1902: 554]; он также добавлял, что есть и еще одно определение для них — *гья-сог* (*rgya sog*) [Das, 1902: 307].

Действительно, *то-хорами* звали монголов, которые подчинялись Хулагу (прав. в 1256–1265, внук Чингисхана, образовавший на Среднем Востоке государство Хулагуидов) и заняли *То-хор*. В тибетском сочинении «Gtam gyi tshogs thag pa'i rgya mtsho zhes bya ba» отмечено: «Старший брат Сэчен хана (Хубилая), под именем Ху-ла-ху, не получив трона, увел 100.000 человек войска, данных ему в качестве его доли ... Он обосновался в *Stod* (т.е. в Западном Тибете), и они стали известны как *то-хор* (*stod hor* — верхние монголы), тогда как (те монголы), бывшие в Китае, стали известны как *ме-хор* (*smad hor*)» [Wylie, 1962: 134]. Таким образом, *то-хорами* звались монголы Хулагу, когда они пребывали в Западном Тибете, а также на землях будущего Могулистана и Восточного Туркестана. Хулагу начал свое правление в Персии с 1256 г., а на указанных территориях стали закрепляться потомки Чагатая. Вообще же этот период (50–60-е гг. XIII в.) был принципиален в связи с целым рядом политических перемен: формированием Юаньского государства, улуса Чагатая и государства Иль-ханов. Тогда же, по мнению Р. Вита-

ли, наименование *то-хор* стало переходить от хулагуидов к чагатаидам [Vitaly, 2024: 310, note 439]. Вернее будет заметить, что таким образом по названию региона стали обозначать монголов и тюрков, подданных чагатаидов, сменявших там подданных Хулагу.

В китайской историографии эти земли известны как *Си-юй* (западные земли), а проживавшие там народы в целом были хорошо исследованы, особенно в более ранние периоды их истории. Религиозной ситуации в регионе изучаемого периода в китайских источниках не уделено достаточного внимания. Например, в «Мин-ши» в отношении встречи императора с его окружением в 1515 г. отмечено: «Министр кабинета министров Лян Чу² и другие сказали: „Религии западных стран злы, абсурдны и неразумны. Хотя наши предки отправляли посланников (на Запад), когда они были у власти, это случалось потому, что мир только что стабилизировался, и они хотели использовать это (обстоятельство) для обучения и просвещения невежественных и упрямых людей, охраны и умиротворения отдаленных районов, а не потому, что они верили в их (западные религиозные) доктрины и поклонялись им”» [Мин ши: цзюань 331]. Вместе с тем отдельная информация в китайских источниках очень ценна и использована в настоящей статье.

Особой частью Могулистана были территории севернее Тянь-Шаня, обозначенные в ряде источников как *Калмак*.

Калмак сыграл определенную роль в судьбе Туглук Тимура, он здесь родился и вырос. В. В. Бартольд дал двойное уточнение региона, откуда его привезли в Аксу: во-первых, из места, где позже появится Кульджа (на р. Или, столица будущего Джунгарского ханства), и во-вторых, через проход Музарт [Бартольд, 1943: 65] — это перевал Музарт в этой части Тянь-Шаня (между бассейнами Или и Тарима, из Кульджи в Аксу), также известный как «Ледяной». Это легендарное место, в связи с преодолением его юным Туглук Тимуром, у автора «Тарих-и-Рашиди» названо «ледяной расщелиной». [Хайдар, 1996: 26, 27].

В *Калмаке* жили кочевники различного этнического происхождения, в силу места проживания объединяемые политонимом *калмаки*. В. В. Бартольд был совершенно прав в своем замечании, что «слово *калмак*, по-видимому, впервые появляется в *Зафар-наме* Шереф ад-дина Йезди как будто не как этнографический, а как географический термин. Говорится, что после изгнания монгольской династии из Китая в ее владении остались только ее «коренные области» (*юрт-и асли*), т. е. Каракорум и Калмак; позднее «эмиры ойратов» отняли у них и это» [Бартольд, 1968: 538].

В «Тарих-и Рашиди» имеется следующая информация: Каракорум и *Калмак* — это «исконные земли» Чингисхана [Хайдар, 1996: 366]; под *Калмаком*, вероятно, подразумевались Западная Монголия и Джунгарская котловина (включая Баркуль и Хами), поскольку далее в этом источнике указано: «На севере Кашар [граничит] с горами Могулистана, которые тянутся с запада на восток ... Те горы, с одной стороны, простираются до Шаша, а с другой, пересекая Турфан, упираются в земли калмаков» [Хайдар, 1996: 367]. Информация от М. Хайдара позволяет однозначно утверждать, что речь

² Лян Чу (1451–1527) — крупный политический деятель при правлении императора Чжу Хоучжао (прав. 1505–1521, девиз правления Чжэндэ).

идет о топониме и связанном с этим словом политониме — в *Калмаке* жили *калмаки* (по факту это были разные этносы) [Китинов, 2018]. Поскольку *Калмак* был в составе Могулистана, то эта часть земель могулов также могла напрямую соотноситься с ними: Э. Бретшнейдер упоминает слова католического монаха П. де ла Круа о «большой орде могольских ханов Калмака» [Bretschneider, 1888: 225, note 919].

Информацию о *Калмаке* как значимом и обширном регионе можно обнаружить и в более поздних источниках [Шараф, 2008: 356]. Его могли упомянуть при последовательном перечислении стран и местностей; хорошим примером является сочинение Сейфи «Таварих» («Хроника», закончена в 1582/1583 г.), полное название звучит следующим образом: «История правителей Индии, Синда, Хитая, Кашмира, Ирана, Кашгара, Калмака, Чина, многих прежних правителей, потомков Чингисхана, Хакана и Фагбура, и правителей Хиндустана, во время султана Мурад-хана, сына султана Селима. Составлена /ныне/ покойным дефтердаром Сейфи Челеби в 990 году (хиджры)» [Санчилов, 1987: 9]. Географическая привязка очевидна: *Калмак* расположен между Кашгаром и Чина (Китаем). Такую же локализацию дают и европейские средневековые карты, где регион *Калмак* показан находящимся севернее оазисов Восточного Туркестана³.

Название закрепилось за регионом (за местными народами) по причине религиозной ориентации последних. Изначально слово *Калмак* (*Qalmaq*) — тюркское, точнее, уйгурского происхождения, в корне имевшее значение «оставаться», и впервые зафиксировано еще в древнеуйгурском языке. Со временем его смысл трансформировался в своего рода политоним — им стали идентифицировать тех, кто не желал принимать ислам, «остался» в своей вере.

Одно из наиболее ранних упоминаний о *калмаках* как немусульманах относится к периоду правления Узбек-хана (прав. 1313–1341), при котором ислам стал доминирующей религией Золотой Орды. Анонимный «Шаджарат ал-атрак» («Родословие тюрков», составлен не ранее середины XV в.) сообщает: «Когда Султан-Мухаммед Узбек-хан вместе со своим илем и улусом достиг счастья (удостоиться) милости бога, то по указанию таинственному и знаку несомненному святой Сейид-Ата всех их привел в сторону областей Мавераннахра, а те несчастные, которые отказались от преданности святому Сейид-Ата и остались там, стали называться калмак, что значит «обреченный оставаться»... По этой причине с того времени пришедшие [в Мавераннахр] люди стали называться узбеками, а люди, которые остались там [на прежней родине], — калмаками» [Тизенгаузен, 1941: 206–207]. Очевидно, что *калмаки* не были какой-то одной этнической группой, более того, «несогласные» занимали самые разные регионы Азии. «Народ» *калмаков* зафиксирован и в других исламских источниках, например, в «Место восхода двух счастливых звезд и место слияния двух морей» Абд ар-Раззака Самарканди (закончен около 1475 г.) [Тизенгаузен, 1941: 201] (см. также: [Bretschneider, 1888: 167]). Таким образом, можно с большой долей вероятности утверждать, что топоним *Калмак* связан не столько с географической детерминантой, сколько с религиозной ориентацией народов, обитавших здесь продолжительный период, и прежде всего — уйгуров.

³ Напр., см: A New Map of Tartary <https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/workspace/handleMediaPlayer?lunaMediaId=RUMSEY~8~1~285388~90058061> (дата обращения: 20.03.2025)

Захваченная арабами значительная часть Средней Азии стала более известна как *дар ал-ислам* — страна ислама, тогда как прежнее географическое (не политико-правовое) наименование — Туркестан — сузилось к тем тюркским регионам, которые оказались вне пределов арабского влияния — Карлукскому и Уйгурскому каганатам [Камолиддин, 2002: 67]. Более того, как пишет Ш. Камолиддин, под Туркестаном арабы понимали также и тех, кто проживал еще восточнее этих каганатов, в том числе китайцев, тибетцев, монголов и др. [Камолиддин, 2002: 67]. Аналогичное отмечается специалистами и в отношении слова *Калмак*⁴.

Поскольку земля, населенная тюрками и известная как Туркестан, издавна (буквально изначально, уже в период после потопа, согласно Гардизи) «была отделена от населенных земель, то ей дали название Тюрк» [Бартольд, 1973: 41–42]. Иначе говоря, население Туркестана воспринималось как далекие, малоизвестные люди. Исламские авторы владели скудными знаниями о тех территориях, особенно их восточных окраинах, что повлияло на мнение М. Хайдара: «Ту сторону, кроме [земель] калмаков, никто не видел и не знает» [Хайдар, 1996: 367]. Отмеченное позволяет утверждать, что для этих авторов и сами границы *Калмака* оставались *terra incognita*.

Таким образом, Могулистан был известен как *То-хор* (у тибетцев) и *Си-юй* (у китайцев) — топонимы, куда относили и Восточный Туркестан. Северная часть Могулистана звалась *Калмак*. Это слово, прежде топоним (земля, где обитают «неправоверные»), затем стало политонимом, т. е. объединило под одним наименованием (*калмаки*) народы, в том или ином смысле оказавшиеся за пределами арабо-исламского влияния. К нему причисляли этносы, родственные уже принявшим ислам (тюрки), т. е. те, кто мог быть этнически близок (*калмаки*, напр. уйгуры, карлуки и др.), и, условно, тех, кто не близок к тюркам ни этнически, ни религиозно (например, собственно монголы). Этимология слова Могулистан подразумевает, что этот соседствующий с Мавераннахром регион в немалой степени заселен тюркизированными монголами.

Религиозное развитие региона

Двумя основными религиями, оказывавшими влияние на население региона в целом и на действия Туглук Тимура в частности, были буддизм и ислам. Актуальность религиозного фактора в целом совпадает с этапами политического развития Могулистана, но различается продолжительностью и эволюцией: обе религии ко времени его правления уже обладали определенной историей в регионе и отличавшимися векторами развития.

Восточный Туркестан с давних пор был заселен буддистами, зороастрийцами, манихеями, христианами. В. В. Бартольд ссылается на неназванного персидского географа конца X в., писавшего, что в Турфанской области в пяти селениях согдийцев (основанных, вероятно, в VII в.) жили люди разных вероисповеданий, среди них — сабии, под которыми могли подразумеваться как буддисты, так и манихеи [Бартольд, 1963: 190]. Следовательно, персы могли отождествлять буддистов и манихеев, тем более, что к тому времени последние действительно стали сильно похожи на буддистов сво-

⁴ Использование слова «калмак» для обозначения других народов, например тибетцев и монголов, отмечал Р. Села и другие специалисты [Islam and Tibet, 2011: 286, note 17; Sela, 2014: 349].

ими текстами, обрядами и т. п. Поэтому позже из-за религиозного фактора под определение иноверцев (например, политоним *калмак* как вариант экзонима) могли попадать все те, кто не был мусульманином или христианином.

Буддийское население региона (согдийцы, тохары и другие иранские народы) значительно увеличилось после того, как переселившиеся в середине IX в. уйгуры стали принимать буддизм (традиции тхеравады), который оставался влиятельной силой и при наступлении ислама в XI в.

Определенную роль в истории религии на этих «западных землях» (*Stod hor*) сыграли тибетские ламы школы *Кагью*, в частности, *Цена*, *Таглун*, *Карма* и др. Они и прежде были активны в этом регионе, особенно в соседнем тангутском государстве Си-Ся [Tshal pa, 1981: 452]. И после падения этого государства в 1227 г. ламы продолжали окормлять проживавшие там народы.

Одним из первых лам, упоминаемых в связи с Восточным Туркестаном, был Чатэл Ченпо (*Bya bral chen po*), принадлежавший к школе Тэл (*Thel*). Его наставником была Дзема из Верхнего (северного) Цзан (Западный Тибет). Чатэл Ченпо стал учителем Сангье Рипа (*Sangs rgyas ri pa*), который «стал наставником Онпо Палдан-драга и Верхнего Хора (*Stod hor*, Могулистана) и получил титул «государственного наставника» (*Ti-shih*)» [Roerich, 1949: 1040]. Это, вероятно, единственный случай, когда тибетский лама получал звание Государственного Наставника *То-хора*. По мнению Витали, они оба жили в XIII в. [Vitali, 2024: 287].

Надо заметить, что среди известных лам подшкол *Кагью* были и такие, чья родословная уходит к тюркам из этого региона. В этом плане интерес представляет Сангье Рэчен, происходящий из народа *тугу* (*gru gu*), который Рерих относил к центральноазиатским тюркам [Roerich, 1949: 480]⁵. Он стал учеником знаменитого ламы Дуйсум Кьенпа (*Dus gsum mkhyen pa*, 1110–1193), который был учеником Гампопы, одного из основателей *Кагью*. Сам же Рэчен стал наставником Помтагпы, который, в свою очередь, обучал Карма Пакши (1204–1283) [Roerich, 1949: 485], второго Кармапу, главу *Карма Кагью*.

Четвертым Кармапой, перевоплощением Карма Пакши, стал Ролпэ Дорджэ (1340–1383). Он давал посвящения в таких ключевых регионах Тибета, как Уй, Кхам и Амдо, посещал и более северные земли, бывал в районе Ганчжоу и Ганьсу. В сакьяском монастыре Тулпэ-дэ, что в окрестностях Ланчжоу, «перед множеством людей, говорящих на разных языках, он произнес проповедь. Справа от его трона стоял монгольский (*Sog*) и уйгурский (*Yu gur*) переводчики, а слева тангутский (*Mi nag*) и китайский переводчики. Каждый из них переводил проповедь на свой язык, и, таким образом, ученики могли понять его слова» [Roerich, 1949: 501]. В этом и других пассажах следует обратить внимание на упоминание уйгуров и Уйгурии. Фактически речь идет о таких оазисах, как Турфан и Хами (восточные соседи Могулистана), где буддизм продолжал процветать в указанное время. Таким образом, наш источник подтверждает, насколько

⁵ Вероятно, древний термин *gru gu* служил для обозначения тюрков вообще. Например, тибетский онлайн-словарь дает следующее определение для этого термина: *yu gur gyi yul* (государство уйгуров) и *li yul* (обычно подразумевают Хотан). См.: Tibetan Vocabulary URL: <https://sites.google.com/view/tibvocab/home> (дата обращения: 25.05.2025).

ко активной и разнообразной была религиозная жизнь многонационального народа этого обширного региона.

В 1360 г. лама «укрепил на Пути Высшего Просветления многих уездных чиновников и важных людей из Китая, Монголии, Уйгурии, Миньяга (Си-Ся), Каули (Корея) и других стран» [Roerich, 1949: 502]. В 1363 г. он посетил императорский юаньский двор в Пекине, но вскоре вернулся в район Ганчжоу (Ганьсу), где «раздавал благословения непрерывно с утра до заката, и продолжалось это 19 дней» [Roerich, 1949: 504]. Далее в «Синей книге» отмечено: «В это время он получил приглашение от правителя То-Хора (Моголистан) Тхо-лут Тэмура, но отклонил его» (Roerich, 1949: 504). Аналогичное отмечено в кармапинских хрониках: согласно Х. Ричардсону, Ролпэ Дорджэ получил приглашение от «правителя То-хора ... чагатайского монгола Тоглаг Темура» [Richardson, 1958, p. 147], но не решился ехать в Моголистан по причине принятия Туглук Тимуром мусульманской веры.

Что могло сподвигнуть хана на обращение к этому ламе?

Заметим, что приглашение от Туглук Тимура поступило уже после того, как лама побывал в Пекине. Скорее, здесь был прежде всего политический расчет, так как Ролпэ Дорджэ был признан во дворе Юань, и потому нельзя исключить желания Туглук Тимура обрести через ламу надежный канал связи с Пекином. Вместе с тем данный эпизод позволяет заключить, что он был знаком с буддизмом (выше указывалось, что будущий хан жил у калмаков), а также допустить с большой степенью вероятности, что это был тибетский буддизм течения Карма Кагью (аналогичное отмечалось Л. Мозесом [Moses, 1977: 87]).

Однако невозможно говорить только об одностороннем интересе тибетских лам к проповедям в этом регионе. Сам Чагатай и его потомки не только проявляли религиозную толерантность, но и поддерживали школу Кагью, особенно в условиях натиска со стороны школы Сакья, патронируемую Хубилаем и его преемниками. В частности, это были войска из Восточного Туркестана, которые поддержали восстание школы Дрикунг Кагью против Сакья, имевшее место на северо-западе Тибета в 1285–1290 гг. «...В год дерева-курицы (1285 г.) ... Бригон [Дрикунг] привела войска верхних монголов против Сакья...» [Пагсам-джонсан, 1991: 40]. В тибетских источниках определение войска дается вполне конкретное: они названы *верхними монголами* (*stod hor*) [Tucci, 1949, vol. 1: 16, 253], даже указывается имя их правителя — Ху-ла. Таким образом, получается, что иль-хан Хулагу был жив в 1290 г., хотя, как отмечалось выше, его не стало в начале 1265 г. В указанном случае под *верхними монголами* подразумевались войска Дува [Peteich, 1983: 189, 201; Rossabi, 1988: 222; Wylie, 1977: 131–132] либо Хайду [Kwanten, 1972: 131].

Несмотря на активность тибетских лам в духовной жизни народов региона и свое близкое знакомство с калмаками, Туглук Тимур принял ислам и приложил значительные усилия распространению этой религии среди своих подданных. Но очень важно отметить весьма особенный штрих: его духовные наставники принадлежали к особому течению ислама — к *катаки*.

Согласно М. Хайдару, некогда в Бухаре было семейство уважаемых ханафитских суфиев. Во времена Чингисхана их представителя Маулана Шуджааддин Махмуда пересе-

лили со всей семьей в Каракорум. «Во время беспорядков в Каракоруме его сын уехал в Луб [и] Катак, представлявшие собой значительные города между Турфаном и Хотаном» [Хайдар, 1996: 28]. Ему удалось восстановить религиозное служение, и у него было несколько последователей. Последним из них был шейх Джамал ад-Дин, который жил в Катаке. Однажды он предсказал гибель этого города, и ушел оттуда вместе с одним из служителей мечети (муаззином) [Хайдар, 1996: 28].

Далее в источнике описывается встреча шейха с Туглук Тимуром, который оказался под большим впечатлением от его проповеди и пообещал шейху непременно принять ислам, но только после того, как станет ханом.

Вскоре шейх скончался, но перед тем завещал своему сыну маулане Аршад ад-Дину: «Я видел сон, будто поднял светильник на возвышенность так, что осветилась вся восточная сторона. После этого я встретился в Аксу с Туглук Тимур ханом... Поскольку мне не хватило жизни, то [теперь] ты подожди, пока тот юноша станет ханом, и иди к нему; возможно, он исполнит свое обещание и примет ислам. Ревнителем того счастья явишься ты, так что весь мир озарится благодаря тебе» [Хайдар, 1996: 29–30]. Аршад ад-Дин жил в Аксу, когда Туглук Тимур стал ханом, он отправился к нему. Он расположился недалеко от ханской ставки, и стал каждое утро призывать к молитве. Его вызвали к Туглук Тимуру, и маулана напомнил хану про его обещание принять ислам и дал ему наставление. В результате хан стал мусульманином.

Туглук Тимур не сразу проявил себя приверженцем новой веры. Вначале он с Аршад ад-Дином составили «план для распространения и успешного продвижения ислама и порешили на том, что будут вызывать эмиров по одному и приказывать, чтобы каждый принял ислам, в противном же случае они применят стих священного Корана „Сражайтесь все с многобожниками“» [Хайдар, 1996: 30]. Они стали испытывать лидеров племен, предлагая им принять ислам, при этом оказалось, что некоторые подчиненные хана уже были мусульманами. Отказался только один из них — Чурас, который предложил маулане побороться с его сильным борцом, «неверным», который поднимал двухлетнего верблюда, и в случае победы проповедника обещал принять его веру. В результате маулана победил, и «в тот день сразу обрили головы и стали мусульманами сто шестьдесят тысяч человек. Хан сам над собой совершил обряд обрезания. Лучи ислама поглотили мрак неверия, и ислам распространился в юрте Чагатай хана» [Хайдар, 1996: 31]. Как пишет Хайдар, «у моголов нет больше сведений, кроме этого рассказа о том, что Туглук Тимур хан стал мусульманином благодаря маулане Аршадад-дину. Подробности этого никто не знает» [Хайдар, 1996: 31]. Это случилось в 1353 г.

Эпизод с борьбой, действительно, в целом сохранился в народной памяти, что находит подтверждение в русском архивном документе от 1724 г., где представитель Петра Первого, капитан И. Унковский, излагает старое сказание, которое ему рассказали «бухарцы» в бытность посещения ставки джунгарского хунтайджи Цэван-Рабдана (прав. 1697–1727): «сказывали бухарцы... пред сим за 334 года [1723–334=1389?] погребен Темерхаган, которого магаметане святым почитают, для того как он кочевал по реке Борталу. Тогда приехали к нему из Великой Бухары с торгом бухарцы. Между оными был один богомolec, и вышел из своей коши на высокое место, кричал гласно по закону своему магамецкому скликал на молитву прочих магаметан. То услышал помяну-

тый Темерхан ... велел одного крикуна к себе привести и спрашивал для чего он кричал. Ответствовал, что он прочих своих товарищей на молитву божью скликал. И по многим разговорам о законе положили залог. Чтоб тому магометанину с самым сильным Темерхановым человеком бороться и которой поборет тот и правом по закону быть ... и помянутый магометанин того сильного Темерханова борца трижды легко поборол того ради Темерхан принял магаметской закон и все его люди обрезались и с шапок залу (или кисти) в реку Борталу побросали и будто оными реку запрудили для того Темерхана магаметане святым почитают и над гробом его полаты построены» [АВПРИ. Ф. 113. Оп. 113/1. Д. 1. Л. 27–27 об]. Содержание этого источника, так же, как и анализ данных (например, даты конвертации хана в ислам (1389 г., согласно легенде, и 1353 г. согласно «Тарих-и Рашиди»), позволяет уверенно утверждать следующее: во-первых, упоминаемый Темерхан — это и есть Туглук Тимур, во-вторых, информация о реке Бортале нисколько не противоречит данным «Тарих-и Рашиди», что детство и юность Туглук-Тимур действительно провел в *Калмаке* («он кочевал по реке Борталу»⁶).

Как писал Ким Ходонг, «восприятием ислама Туглук Тимур, который начинал как номинальный правитель, смог вооружить себя и своих сторонников идеологией, которая обеспечила внутреннюю консолидацию и внешнюю экспансию» [Hodong, 1999: 302]. В дальнейшем *катаки* укрепят свои позиции во дворе могульских правителей и сформируют тарикат *Катаки*, чьи члены сыграют видную роль в обращении в ислам могулов-кочевников и оседлых уйгуров [Hodong, 1999: 302].

Надо заметить, что Туглук Тимур в поисках духовного наставника обратил свой взор не на суфиев, представлявших известные городские центры Мавераннахра, но на тех, которые все еще были связаны с кочевым образом жизни. Здесь мы видим исламского проповедника, который готов нести учение к кочевникам, и оставалось лишь найти соответствующего лидера.

Шейх Джамал ад-Дин вынужден бежать из города не потому, что ему претит город (все-таки ислам — изначально городская вера) либо он боится небесной кары, — не менее важно было то, что очень мало людей приходило на проповеди шейха, а в последний день существования города никто не пришел даже на пятничный призыв *муаззина*, никто и не пытался спастись. Следующий немаловажный момент — это выделение отдельных черт характера Туглук Тимура: он подозрителен к некоторым народам («Таджики — не люди») [Хайдар, 1996: 29], и в таком случае ему ближе животные; он сравнивает шейха с собакой, на что шейх достойно отвечает: «Если вера будет со мной, то я лучше, а если не будет со мной веры, то собака лучше меня» [Хайдар, 1996: 29]. Последний эпизод однозначно утверждает важность ислама для хана как правителя, он должен ценить людей, в противном случае уподоблялся собаке.

Известные тибетские источники не содержат достаточно сведений о буддийской активности в То-хоре после смерти Туглук Тимура, хотя ламы и продолжали там проповеди. Так, минский император Чжу-ди (прав. 1402–1424, девиз правления Юнлэ) в 1403 г., т. е. в самом начале своего правления, направил своих представителей к Пя-

⁶ Река протекает между гористой системой Борохоро и оз. Алаколь, впадает в оз. Эбинур и граничит с восточной окраиной Семиречья.

тому Кармапе Дешин Шегпа (De bzhin gshegs pa, 1384–1415), поскольку «был наслышан о его сверхъестественной практике Пути, когда тот бывал во дворах центрально-азиатских правителей» [Karney, 1975: 75]. На наш взгляд, под центральноазиатскими правителями следует иметь в виду ханов Могулистана, которых мог посещать этот лама.

Преемники Туглук Тимура поддерживали и распространяли ислам. М. Хайдар писал, что Хизр Ходжа «был ханом, придерживающимся норм ислама, некогда принятого Туглук Тимур ханом» [Хайдар, 1996: 81], а его сын и преемник Мухаммад хан (прав. 1407–1415) «приложил много усилий для того, чтобы большая часть улуса моголов в его благословенное время приняла ислам» [Хайдар, 1996: 86]. Судя по всему, это был все тот же ислам *катаки*, и лишь в более поздний период, в отношении Вайс (Увайс) хана (прав. 1418–1421, 1425–1428) сказано, что он следовал учению *Накишбандийа*: «[Увайс хан] был мюридом маулана Мухаммада Кашани. Маулана Мухаммад был мюридом Хазрата Ходжа Хасана «Аттара... Ходжа был мюридом Хазрата полюса опоры наставничества Ходжа Бахааддина Накшбанда» [Хайдар, 1996: 94].

Еще в период правления Мухаммад хана начинаются попытки подчинения соседних Турфана и Хами, где было много буддистов, однако появление там ойратов в начале XV в. значительно повлияет на дальнейшее политико-религиозное развитие региона.

Таким образом, важной особенностью религиозной истории Восточного Туркестана было распространение на его землях в течение ряда веков различных течений буддизма — тхеравады (согдийско-тохарская версия), а позже и тибетского (подшколы *Кагью*). Обращение Туглук Тимура к Кармапе Ролпэ Дорджэ, а также контакты с шейхом Джамал ад-Дином и мауланой Аршад ад-Дином с последующим принятием ханом учения *катаки* характеризуют его как умелого политика, успешно сочетавшего религиозные и политические инструменты власти. В последнем случае важно было то, что и глава *Карма Кагью*, и родоначальники тариката *Катаки* были связаны с монгольским двором. Восприятие учения *катаки* Туглук Тимуром и его ближайшими преемниками составляют другую важную особенность религиозной истории региона. Эволюция религиозной ситуации в Могулистане изучаемого периода в целом была близка к этапам политического развития региона. Ислам *катаки*, давший идеологическое обоснование власти Туглук Тимура и формировавший религиозный фон Могулистана, после первого десятилетия XV в. начнет замещаться учением *Накишбандийа*; влияние буддизма упрочится после миграции в регион ойратов.

Ойраты и Калмак

Большое влияние на историю народов Центральной и Восточной Азии в последнюю треть XIV в. оказало падение монгольской династии Юань и становление в Китае власти династии Мин, чей основатель Чжу Юаньчжан фактически «закрыв» Китай. Последовавшее затем среди кочевников возрождение трайбализма фактически оказало двойственное влияние на тюркские и монгольские народы: с одной стороны, децентрализационные процессы вели к вражде и разобщению, с другой — они же способствовали последующим центробежным процессам и формированию новых объединений и центров, в том числе государств. Большое влияние на такие события оказали перемены в концепции власти, установившейся еще со времен Чингисхана: правителем мог быть только тот лидер, кто является его потомком по мужской линии. В новых

условиях тюрко-монгольский мир явил свои новшества: у чингизидов на фактическую власть могли притязать, например, так называемые *гургены* (güregen, зятья). И пример Тамерлана очень характерен для тюркского мира; у монголов власть оспаривали ойратские *тайши* — фактически военачальники и главные министры при чингизидах.

В отношении ранних этапов истории ойратов мнения известных специалистов по истории Китая и Монголии Н.Я. Бичурина и Дз. Мияваки во многом совпадают: история этих западно-монгольских народов началась со времени падения Юань [Бичурин, 1991: 24; Miyawaki, 1997: 40]. Первым ойратским лидером минские источники называют Мунко Темура (Meng-k'o T'ieh-mu-er) [Dictionary, 1968: 1035; Чернышев, 1990: 18], под кем, скорее всего, следует понимать известного Угэчи Хашига [Liĵei, 2002: 72].

Согласно монгольским источникам, вплоть до самого завершения XIV в. ойраты не проявляли какой-либо заметной активности, которой они прославились буквально в последующие десятилетия. Это позволяет предположить, что они были во власти Элбек-хагана, потомка Тогон Темура. Как следует из этих источников, у этого хагана в ближайшем окружении был ойратский лидер Хутхай Тафу⁷, который как-то похвалил красоту Элзита, невестки Элбека. Последний не остановился перед убийством собственного сына, чтобы овладеть ею, за что Элзит оговорила Хутхай Тафу, обвинив его в попытке насилия. Когда же выяснилось, что этого ойратского лидера казнили беспричинно, Элбек-хаган распорядился, чтобы власть над ойратами сохранилась за сыновьями Хутхай Тафу: Угэчи Хашигой и Батулой [Лубсан Данзан, 1973: 257–258; Elverskog, 2007: 62, note 199]⁸.

По неясным причинам монгольский правитель проявил большое участие к судьбе лишь одного из братьев — Батуле, который был возведен в чинсанги (министерский чин) и стал зятем хагана, женившись на его дочери Самур Гунджи [Желтая история, 2017: 84]. Дальнейший ход событий источники описывают так: «После того, как хаган просидел на престоле шесть лет, ойратские Батула-чинсанг и Угэчи Хашига прикончили Элбэг-хагана в год змеи [1401], и он стал тэнгри. Батула-чинсанг и Угэчи Хашига сначала захватили четыре тумэна ойратов и стали врагами», отмечается в «Алтан тобчи» [Лубсан Данзан, 1973: 258; Elverskog, 2007: 61].

Представляется следующая картина: хагана убил Угэчи Хашиг (на этом настаивает «Желтая история»: «ойратский Угэчи-хасха убил хана» [Желтая история, 2017: 85]), и по этой причине братья стали врагами. Также эти обстоятельства повлияли на усиление вражды между восточными и западными монголами (из «Алтан Тобчи»: «Говорят, так была захвачена ойратами единая держава монголов» [Лубсан Данзан, 1973: 258; Elverskog, 2007: 61]), хотя их соперничество началось еще ранее, во времена империи.

Следующий правитель после Элбека, его сын Гантемур, был вскоре тоже убит Угэчи Хашигом, который сам стал хаганом и изменил свое имя на Гуйлинчи-хана⁹ [Успенский, 1880: 147]. Он передал Аругтаю, своему ближайшему сподвижнику из восточных монголов, титул *чинсанга*, тем самым отобрав его у своего брата Батулы. Ойратам Бату-

⁷ И.Я. Златкин считал, что он принадлежал к роду чорос [Златкин, 1983: 25].

⁸ Согласно «Мин ши», в то время был известен еще один ойратский лидер — Батуболо; «народ ойратов распался на три части» [Чернышев, 1990: 18].

⁹ Н.Я. Бичурин назвал его «Гольци, не имевший законного права на престол» [Бичурин, 1991: 25].

лы удалось разгромить войска Гуйлинчи, и тому пришлось отказаться от трона всемонгольского правителя и вернуться к себе на родину (Ганьсу), где он чуть позже и умер¹⁰.

В 1408 г. всемонгольским хаганом, благодаря стараниям Аругтая, был провозглашен Буяншир, младший сын Элбека, брат Гантемура, пребывавший в Бешбалыке (северо-восток Могулистана). Новый правитель принял имя Ользитемур, а Аругтай удостоился нового титула — *тайши* — «Великий Наставник»¹¹. Новая должность подразумевала и право командовать войсками.

Появление нового хагана встревожило ойратов, и их лидеры — Батула, Батуболо и Тайпин¹² — выступили против монголов. Минский император Чжу-ди, с целью поддержания вражды между этими кочевниками, решил выделить ойратов, в связи с чем в том же 1408 г. вручил новые титулы этим ойратским лидерам: Батуле (другое имя — Махаму) достался титул «шунь-нин-ван, Тайпину — сянь-и-ван, Батуболо — ань-лэ-ван¹³» ([Чернышев, 1990: 18; [Успенский, 1880: 148]). Следом, весной 1409 г., Батула был поощрен дополнительным титулом *ван* («Верный мирный принц»). В ответ Ользитемур убил посланника императора и направил свои войска против ойратов, но безуспешно [Jamsran, 2010: 499]. Между хаганом и его *тайшой* случилась вражда, и Ользитемур в 1412 г. бежал обратно в Могулистан, где пребывали его родственники, но по дороге он был схвачен и казнен Батулой. Очередным хаганом с подачи Батулы стал Делбек (1395–1415), сын Ользитемура.

Чтобы сохранить контроль над Делбеком, следовало окончательно разгромить Аругтая, который закрепился в столице — Каракоруме. На фоне подготовки Батулы к войне с Аругтаем минский император вручил последнему в июле 1413 г. титулы «Послушного Принца» (*хенани-ван*) и «Правителя Каракорума» (*Хар-Хорин ван*), а также подарки его окружению [Serruys, 1977: 359]. Несмотря на такие недружественные шаги, Батула не хотел ссоры с императором и направлял своих посланников ко двору. Однако враги Батулы из Монголии всячески старались очернить его перед минскими властями, обвиняя в преступлениях и неподобающем поведении. Это подтверждается записями в «Мин шилу», относящимся к 1413 г.: «Северный варвар Буян-Буха прибыл ко двору и сообщил: «С тех пор как ойратский Мухмуд убил своего хана, он стал очень гордым и пытается бороться со Срединным государством. Тот факт, что он шлет слов ко двору — показатель не подчинения, но алчности к золоту, шелку и вещам» [Jagchid, 1970: 51].

¹⁰ В «Желтой истории» сказано, что Угэчи-Хашиг умрет лишь после смерти Батулы [Желтая история, 2017: 85].

¹¹ Н. Я. Бичурин также отмечал, что в начале XV в. «сильные князья Монголии разделились на три стороны или партии, и Глава сильнейшей из них обыкновенно занимал при Хане должность Тайши... пользовался неограниченным полномочием в делах и правом предводительствовать войсками целой Монголии» [Бичурин, 1991: 25].

¹² Согласно В. Успенскому, его звали Тайван [Успенский, 1880: 147].

¹³ По утверждению А. И. Чернышева, Батула-чинсанг — это Махаму, Угэчи Хашиг — Тайпин, Батуболо не идентифицирован [Чернышев, 1990: 18]. Выше отмечалось, что Угэчи Хашиг ранее скончался. Скорее всего, А. И. Чернышев ошибся в своих предположениях, и Тайпина все еще следует идентифицировать как и Батуболо.

Стремление наладить отношения со Срединным государством, вероятно, было не случайно — выше уже отмечалось, что Батула женился на Самур Гунджи, и благодаря этому событию чороские правители оказались связаны с домом Борджигитов-чингизидов, и уже вполне могли, как и позже Тамерлан, заявлять о себе как зятях «Золотого рода». Следовательно, у них были вполне обоснованные претензии на лидерство среди не только ойратов, но и монгольских народов, а поддержка со стороны Нанкина могла придавать дополнительную легитимность. Аругтай в такой ситуации не имел никаких прав быть общемонгольским лидером.

Тем не менее Аругтаю удалось договориться с минским двором о совместном выступлении против ойратов. Союзникам в 1414 г. в битве у современного Улан-Батора удалось разбить ойратскую армию. Однако вскоре Аругтай убил Эсеха, сын Угэчи Хашиги, который объявил хаганом себя и принял имя Ойрадай [Jamsran, 2010: 500]. Осознавая необходимость покорения своих сородичей-ойратов, он направил против них свою армию. Ойратам пришлось уходить в сторону Джунгарской впадины, и таким образом они вошли в *Калмак*. Прежде его северо-восточная оконечность была своего рода буферной зоной между улусами Угэдэя, Толуя и Чагатая, однако к рассматриваемому времени в целом вся эта часть Могулистана значительно обезлюдела после нашествий Тамерлана.

Ойраты дошли до Хамийского оазиса (юго-восток Могулистана), где в 1416 г. потерпели поражение, а их оставшийся единственный лидер Батула попал в плен и был казнен¹⁴. Так закончился период, непосредственно предшествовавший подчинению ойратами вначале северо-востока Джунгарской котловины, а позже и всего Восточного Туркестана.

Следует отметить, что описанные события, начиная с убийства Элбек-хагана и последующих притязаний ойратских правителей возглавить Северную Юань, привели не только к резкому противостоянию ойратов и монголов, но более того — фактическому отделению первых от вторых. Эта мысль явно показана в монгольской хронике «*Altan Khürdün Minggan Khegesütü*» (ок. 1739 г.), где те события (соперничество с чингизидами) оцениваются как отход ойратского сообщества (*ug ündüsün*) от монгольского (*mongyol*). «После этого политического акта ойраты описываются как отличные от монголов, хотя они продолжали быть включенными в число тех, кто говорит на монгольских языках (*mongyol kheleten*)» [Sneath, 2007: 171].

Согласно Г. И. Рамстедту, «при этом ойраты и сами все же народ, говорящий чисто монгольским языком и соединяющий себя с монголами под общим именем дөчин дөрбөн — «сорок и четыре, сорок-четыре». Эти монгольские «четверо ойратов» являются самыми западными монгольскими племенами...» [Рамстедт, 1909: 547]. Б. Я. Владимирцов объяснял создавшуюся ситуацию следующим образом: после падения Юань «„Золотой род“ начал оскудевать; царевичей просто стало мало. А между тем младшие феодалы *sayid*’ы... поняли, что сами могут стать на их место. Ойратские сайды оказались в особо благоприятном положении» [Владимирцов, 2002: 442]. Такое «благопри-

¹⁴ Разные версии гибели Махаму (Батула-чинсанга) рассмотрены И. Я. Златкиным [Златкин, 1983: 28–29].

ятное положение» сложилось по ряду причин, среди которых важными указаны подчинение ойратов непосредственно хагану (т.е. ойраты перешли к Угэчи Хашиге и Батуле прямо от него), и энергия «молодого народа», «только что перешедшим на «степь», лучше других монгольских племен сохранившимся во время войн империи и феодальных схваток между царевичами» [Владимирцов, 2002: 443].

Г.И. Рамстедт отмечает: «...после изгнания монгольской династии из Китая имя Ойрат делается все более и более известным; ойраты... выступают в виде врагов восточных монголов, и стремления их направлены на добывание самостоятельности и независимости от «сорока» монголов» [Рамстедт, 1909: 547]. Очевидно было следующее: чтобы обрести независимость от чингизидов¹⁵, ойратам требовалось найти замену монгольской идентичности, т.е. выделить иные отличительные черты и показатели, ибо «быть монголом означало, собственно, находиться под правлением борджигитов» [Sneath, 2007: 171]. Поскольку монгольские народы, включая ойратов, в рассматриваемый период могли быть объединены только принципом чингизидства на фоне слабых родовых отношений (тогда этнические группы фактически формировались правителями, безотносительно родственных связей [Sneath, 2007: 174]), то последнее играло в пользу ойратов. Именно политический фактор способствовал их сплочению, так как они представляли интересы степной аристократии, требовавший соблюдения традиций предков, в потере которых обвиняли окитаившихся юаньских монголов [Успенский, 1880: 146–147]. В этом плане их интересы совпадали с мнением могулистанских правителей, которые почитали себя более приверженными установлениям Чингисхана и традициями монголов, по сравнению с тюрками Мавераннахра. Однако в отличие от лидеров Могулистана, ойраты со временем обратились к буддизму.

Главенствующая роль у ойратов перешла к *чоросам*, тюркам по происхождению, вероятно, выходцев из Джунгарской впадины / Восточного Туркестана. У *чоросов*, в отличие от их сородичей-*чурасов*, были иные, уникальные условия, повлиявшие на становление и развитие своей династии: тибетский религиозный, китайский политико-административный и монгольский идеолого-этнический. Эти условия были обеспечены всей их предшествующей историей, именно они создали уникальные предпосылки для формирования ойратского государственного образования: державы под управлением *чоросов*. Под влиянием указанных обстоятельств ислам, вероятно, игравший определенную роль среди *чоросов* (другое имя Батулы — Махаму — однозначно указывает на влияние этой религии), стал терять свои позиции. Важным условием было наличие многоэтнического населения, неоднозначно относившегося к исламу — *калмаков*, чьи территории стали занимать ойраты, и этот момент пересиливал тюрко-исламскую составную как ойратского этно-религиозного развития, так и регионально-могульского, заложенного Туглук Тимуром.

Итак, падение монгольского правления в Китае и череда последовавших в Монголии политических событий и процессов одним из важнейших последствий явили воз-

¹⁵ Хотя чингизиды претерпевали экономическое давление, междоусобицу, борьбу с ойратами и периодические вторжения Китая в начале XV в., они рассчитывали на стабильность и сильное лидерство, надеясь на свою принадлежность к «Золотому роду» [Mongols, Turks, 2005: 473].

растание роли ойратов, возглавляемых Угэчи Хашигом и Батулой. Динамика перемен в политико-статусном вопросе, тонкая дипломатия Нанкина и общее столкновение ойрато-монголо-минских интересов повлияли на дальнейшую эволюцию политических устремлений ойратских лидеров: они были нацелены на выживание народа путем миграции в сторону Калмака. На этот выбор повлияли и внутриойратские этнические процессы: исход ойратов от монгольского мира и принадлежность их лидеров — чоросов — к известному могулистанскому клану чурасов.

Заключение

Туглук Тимур пришел к власти в Могулистане и укрепил свое влияние благодаря двум принципиальным обстоятельствам: своему происхождению (чингизид) и поддержке ведущей религии — ислама. Определенную роль сыграл и сам Могулистан (страна могулов) как территория и государство ввиду богатого духовного наследия (наличие населения с ранними религиозными традициями буддизма, христианства, манихейства и др.) и по причине давнего взаимодействия с Тибетом (для которого он был известен как *То-хор* (*Stod hor*)) и Китаем (был известен как *Си-юй*).

Могулистан называли также *Джете* (в целом Могулистан) и *Калмак* (чаще его северная часть). Слово *Калмак* имело не столько географическое, сколько топонимическое и даже шире — этнотопонимическое значение; его население звалось *калмаками* — людьми, которые не были мусульманами; к ним следует в первую очередь отнести уйгуров (сариг-уйгуров). Можно допустить, что слово *Калмак* имело и некоторое политико-правовое обеспечение — существование в этой части Могулистана в монгольский и пост-монгольский период определенного объединения (группы) народов, не желавших подчиняться могульским правителям (пример — *чурасы*). *Калмак* как регион Могулистана упомянут в источниках и показан на средневековых европейских картах.

В религиозной сфере в Могулистане действовали по-своему уникальные учения: тибетские течения школы *Кагью* (буддизм) и исламский тарикат *катаки* (региональный, лобнорский ислам), которые обладали важным политическим потенциалом: связями с монголо-юаньским двором. Возможно, это обстоятельство и повлияло на обращение Туглук Тимура к Кармапа-ламе Ролпэ Дорджэ с просьбой о встрече, от чего лама отклонился, поскольку ранее хан принял наставления от мауланы Аршад-ад-Дина, сына и ученика шейха Джамал ад-Дина из лобнорского Катаки.

Начало заката династии, заложенной Туглук Тимуром, было связано с нарушением важнейшего из условий сохранения власти — принципа чингизидства, когда Камар ад-Дин, лидер дуглатов, убил Ильяс Ходжу, преемника Туглук Тимура. Более чем десятилетняя борьба Тамерлана против Камар ад-Дина, объявленная первым как война с *кафирами*, привела к кризису центральной власти и сокращению населения в северной части Могулистана. В южной части произошла перегруппировка народов и племен, когда одни практически исчезли, а другие усилили свое влияние. В жестокой борьбе за власть победил Хизр Ходжа, сын Туглук Тимура, поддержанный дуглатами. Он смог спастись, укрывшись у *калмаков*, с которыми мог быть связан Туглук Тимур, уроженец *Калмака*.

Между тем в Монголии падение династии Юань повлияло на зарождение ойрато-монгольской вражды. Лидеры ойратов (Батула, Угэчи Хашиг и др.) и монголов (Ользимур, Буяншир и др.) в борьбе за право возглавить Монголию ссылались на Ясу

Чингисхана и традиции, но вмешательство династии Мин формировало новые условия: прежние установления эпохи Чингисхана сменяли трансформационные процессы, состоявшие, в том числе, в территориальных и этноконфессиональных переменах. Именно в таком контексте следует оценивать сложившийся дисбаланс сил и интересов в Монголии, который обусловил стремление ойратов отделиться от монголов и создать свое государство. Таким образом, миграция ойратов к оазису Хами в десятых годах XV в. была не только результатом военных событий, но также знаменовала собой очередной поворот в истории Могулистана и формирование новых региональных политических и религиозных контекстов.

При Туглук Тимуре и его преемниках политико-религиозное развитие Могулистана прошло через два этапа, охватывающих 1347–1365 и 1365–1410-е гг. Особенности первого этапа — это централизаторская политика хана и его преемника, принятие учения *катаки*, второго — кризисное развитие страны и формирование тариката *катаки*. Проповеди тибетских лам также следует признать важной особенностью религиозной ситуации; источники позволяют констатировать на первом этапе как минимум нейтральную позицию правителей (Туглук Тимура) в отношении региональной активности буддистов, на втором — допустить сохранение деятельности буддийских монахов. В 1347 г. началось ханство Туглук Тимура, а 1410-е гг. являются переломным периодом в политической и религиозной эволюции Могулистана, когда возросло влияние тариката *Накишбандийа*, а на его восточных рубежах появились ойраты, благодаря которым региональный буддизм вновь усилит свои позиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 113. Оп. 113/1. Д. 1. 1724.

Бартольд В. В. «Извлечение из сочинения Гардизи *Зайн ал-ахбар*» Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.» // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VIII. Работы по источниковедению. М. : Наука, 1973. С. 23–62.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. Работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М. : Наука, 1963. С. 169–433.

Бартольд В. В. Калмыки // Бартольд В. В. Сочинения. Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М. : Наука, 1968. С. 538–540.

Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе : Киргизгосиздат, 1943. 104 с.

Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1991. 127 с.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М. : Восточная литература, 2002. С. 295–488.

Григорьев В. В. Землеведение К. Риттера. География стран Азии. Восточный или китайский Туркестан. Выпуск второй. СПб. : Типография К. Замысловскаго, 1873. 525 с.

Дамдинсүрэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957. 240 с.

- Желтая история (Шара туджи). М. : Восточная литература, 2017. 406 с.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М. : Наука, 1983. 332 с.
- Зотов О. В. Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. Межгосударственные отношения. М. : Наука, 1991. 168 с.
- Камолиддин Ш. С. К вопросу об употреблении географических названий «Мавераннахр» и «Туркестан» // *O'zbekiston tarixi* (История Узбекистана). 2002. № 4. С. 61–79.
- Китинов Б. У. Калмак и ойраты: топоним в религиозной истории народов Центральной Азии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2018. Т. 10. № 3. С. 270–281.
- Лубсан Данзан. Алтан тобчи (Золотое сказание) / пер. с монг., введение, комментарий и приложения Н. П. Шастиной. М. : Наука, 1973. 439 с.
- Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. (История и культура Востока Азии, Т. II). Новосибирск : Наука, 1974. 210 с.
- Материалы по истории Казахстана и Центральной Азии. Вып. 1. / сост. и отв. редактор Ж. М. Тулибаева. 2-е изд., испр. Астана : издательство ГУ Национального центра археологии и источниковедения, 2011. 276 с.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М. : Наука, 1973. 280 с.
- Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета / пер. с тиб. яз., предисл., коммент. Р. Е. Пубаева. М. : Наука, 1991. 260 с.
- Рамстедт Г. И. Этимология имени Ойрат // *Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. Записки ИРГО по отделению этнографии*. Т. XXXIV. СПб. : типография В. У. Киршбаума (отделение), 1909. С. 547–558.
- Санчиров В. П. «Калмаки» в «Истории» турецкого автора XVI в. Сейфи Челеби // *Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе*. Элиста : Калмыцкий НИИ истории и филологии, 1987. С. 6–27.
- Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х. Язык желтых уйгуров. М. : Наука, 1966. 84 с.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
- Успенский В. Страна Кукэ-Нор, или Цинхай, с прибавлением краткой истории ойратов и монголов, по изгнании последних из Китая, в связи с историей Кукэ-Нора // *Записки Императорского Русского географического общества*. 1880. Т. 6. С. 59–196.
- Хайдар Мирза М. Тарих-и Рашиди / введение, перевод с персидского А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, А. М. Епифановой. Ташкент : ФАН, 1996. 727 с.
- Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М. : Наука, 1990. 136 с.
- Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-Намэ / пер. со староузбекского, комм. А. Ахмедова. Ташкент : САНАТ, 2008. 484 с.
- A Newe Mape of Tartary // David Rumsey Map Collection. URL: <https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/workspace/handleMediaPlayer?lunaMediaId=RUMSEY~8~1~285388~90058061> (дата обращения: 20.03.2025).

Bretschneider E. *Medieval Researches from Eastern Asiatic sources*. London, 1888. Vol. II. 352 p.

Das S. Ch. *A Tibetan-English Dictionary*. Calcutta: Published by the Bengal Secretariat Book Depot, 1902. 1353 p.

Dictionary of Ming Biography. 1368–1644. New-York; London: Columbia University Press, 1968. Vol. II. P. 1023–1751.

Elverskog J. *The Pearl Rosary. Mongol Historiography in Early Nineteenth Century Ordos*. The Mongolia Society, Inc., 2007. 196 p.

Hodong Kim. *The Early History of the Moghul Nomads: the Legacy of the Chaghatai Khanate. The Mongol Empire and its Legacy*. Ed. by Reuven Amitai-Preiss and David O. Morgan. Brill, 1999. P. 290–318.

Islam and Tibet: Interactions Along the Musk Routes. Ed. Anna Akasoy, Charles Burnett, Ronit Yoeli-Tlalim. Ashgate, 2011. 391 p.

Jagchid S. Trade, peace and war between the nomadic Altaics and the agricultural Chinese // *Bulletin of the Institute of China Boarder Aare Studies*. 1970. № 7, pp. 35–80.

Jamsran L. *Attempts to Overcome a Crisis of State: the Oirats Gain in Strength. The History of Mongolia. Yuan and Late Medieval Period*. Global Oriental. 2010. Vol. II. Pt. 3, pp. 497–507.

Karmay H. *Early Sino-Tibetan Art*. Aria & Phillips ltd., 1975. 128 p.

Kwanten L. H. M. *Tibetan-Mongol Relations during the Yuan Dynasty. 1207–1368*. PhD diss. University of South Carolina Press, 1972. 131 p.

Miyawaki J. The birth of the Oyirad khanship // *Central Asiatic Journal*. 1997. No. 41/1. P. 38–75.

Reuven A., B. Michal (eds.) *Mongols, Turks and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Brill, 2005. 550 p.

Moses L. W. *The Political Role of Mongol Buddhism*. Indiana University Uralic Altaic Series. Indiana University Press, 1977. Vol. 33. 299 p.

Petech L. *Tibetan Relations with Sung China and with the Mongols. China Among Equals. The Middle Kingdom and its Neighbors, 10th — 14th Centuries*. Berkeley: University of California press, 1983. P. 173–203.

Roerich G. *The Blue Annals*. Parts 1–2. Delhi, Patna, Varanasi: Motilal Banarsidass. 1949. 1275 p.

Rossabi M. *Khubilai Khan. His Life and Times*. Berkeley: University of California Press, 1988. 352 p.

Sela R. *Central Asian Muslims on Tibetan Buddhism, 16th-18th Centuries. Trails of the Tibetan Tradition*. Papers for Elliot Sperling. India: LTWA, 2014. P. 345–359.

Serruys H. The Office of Tayisi in Mongolia in the fifteenth Century. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1977. Vol. 37. No. 2. P. 353–380.

Sneath D. *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and the Misrepresentation of Nomadic Inner Asia*. Columbia University Press, 2007. 273 p.

Tibetan Vocabulary. URL: <https://sites.google.com/view/tibvocab/home> (acessed May 25, 2025).

Tucci G. *Tibetan Painted Scrolls*. Roma, 1949. Vol. 1. 327 p.

Vitaly Roberto. *Early bka' brgyud pa Masters in the Lands on the "Upper Side" (1191–1344)*. Dharamsala: Mutag books, 2024. 390 p.

Wylie T.V. The Geography of Tibet According to the “Dzam-gling-rgyas-bshad”. Roma: Is. M. E. O., 1962. 286 p.

Wylie T.V. The First Mongol Conquest of Tibet Reinterpreted // *Harvard Journal of Asian studies*. 1977. Vol. 37. No. 1. P. 103–133.

Liĵei K. [Лидже К.] Oyirad-un teūke šasin-u sudulul [Исследование истории и культуры ойратов]. Urumĵi [Урумчи]: Šinĵiyang-un arad-un keblel-ün qorii-a [Издательство Шиндзянын арадын келелин горья], 2002. 248 p. (на старо-монг. яз.)

明师 [Мин ши]. 卷 [Том] 331. 列传第219节 [Биографии, раздел 219]. 西域 [Западный край] 第3部分 [часть 3]. С. 8571–8591 (на кит. яз.).

Tshal pa kun dga rdo rje brtsams. Deb ther dmar po. (Красная книга). Beijing, 1981. 955 p. (на тибет. яз.)

REFERENCES

Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi impeii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire] (AVPRI) [AFPRI]. Fund 113. Inventory 113/1. File 1. 1724 (in Russian).

Bartol'd V.V. “Izвлечение из sochineniya Gardizi Zain al-akhbar” [“Excerpt from the work of Gardizi *Zayn al-akhbar*”]. Prilozhenie k “Otchetu o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoi tsel'yu. 1893–1894 gg. [Appendix to the “Report on a trip to Central Asia for scientific purposes. 1893–1894.”]. *Bartol'd V.V. Sochineniya* [Works]. *Tom VIII* [Vol. VIII]. *Raboty po istochnikovedeniyu* [Works on source studies]. Moscow: Nauka, 1973, pp. 23–62 (in Russian).

Bartol'd V.V. *Istoriya kul'turnoi zhizni Turkestana* [History of the cultural life of Turkestan]. *Bartol'd V.V. Sochineniya* [Works]. *Raboty po istorii Srednei Azii. Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoi Evropy* [Works on the history of Central Asia. Works on the history of the Caucasus and Eastern Europe]. Moscow: Nauka, 1963, vol. 2, pt. 1, pp. 169–433 (in Russian).

Bartol'd V.V. *Kalmyki* [Kalmyks]. *Bartol'd V.V. Sochineniya* [Works]. *Tom V*. [Vol. V] *Raboty po istorii i filologii tyurkskikh i mongol'skikh narodov* [Works on the history and philology of the Turkic and Mongolian peoples]. Moscow: Nauka, 1968, pp. 538–540 (in Russian).

Bartol'd V.V. *Ocherk istorii Semirech'ya* [Essay on the history of Semirechye]. Frunze: Kirgizgosizdat, 1943, 104 p. (in Russian).

Bichurin N.Ya. *Istoricheskoe obozrenie oiratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni* [Historical review of the Oirats or Kalmyks from the 15th century to the present]. 2nd ed. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991, 127 p. (in Russian).

Chernyshev A.I. *Obshchestvennoe i gosudarstvennoe razvitie oiratov v XVIII v.* [Social and state development of the Oirats in the 18th century]. Moscow: Nauka, 1990, 136 p. (in Russian).

Damdinsuren Ts. *Istoricheskie korni Geseriady* [Historical roots of Gesariad]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957, 240 p. (in Russian).

Grigor'ev V.V. *Zemlevedenie K. Rittera. Geografiya stran Azii. Vostochnyi ili kitayskii Turkestan* [Geoscience of K. Ritter. Geography of Asian countries. Eastern or Chinese Turkestan]. Vypusk vtoroi — dopolneniya. Otdel pervyi — istoriko-geograficheskii [Second edition — additions. First section — historical and geographical]. St. Petersburg: Tipografiya K. Zamyslovskago, 1873, 525 p. (in Russian).

Haidar Mirza M. *Tarikh-i Rashidi* [Tarikh-i Rashidi]. Vvedenie, perevod s persidskogo A. Urumbaeva, R. P. Dzhaliilovoi. L. M. Epifanovoi [Introduction, translated from Persian

by A. Urunbaev, R. P. Dzhaliylova, L. M. Epifanova]. Tashkent: FAN, 1996, 727 p. (in Russian).

Kamoliddin Sh. S. K voprosu ob upotreblenii geograficheskikh nazvanii “Maverannakhr” i “Turkestan” [On the issue of the use of the geographical names “Maverannakhr” and “Turkestan”]. *O'zbekiston tarixi*. [History of Uzbekistan] 2002, no 4, pp. 61–79 (in Russian).

Kitinov B. U. Kalmak i oiraty: toponim v religioznoi istorii narodov Tsentral'noi Azii [Kalmak and Oirats: toponym in the religious history of the peoples of Central Asia]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya* [RUDN Journal of World History] 2018, no 10 (3), pp. 270–281 (in Russian).

Lubsan Danzan. *Altan tobchi (Zolotoye skazaniye)* [Altan tobchi (Golden tale)]. Per. s mong., vvedenie, kommentarii i prilozheniya N. P. Shastinoy [Trans. from Mongolian, introduction, commentary and appendices by N. P. Shastina]. Moscow: Nauka, 1973, 439 p. (in Russian).

Malyavkin A. G. *Materialy po istorii uigurov v IX–XII vv. (Istoriya i kul'tura Vostoka Azii, Tom II)*. [Materials on the history of the Uyghurs in the 9th–12th centuries. (History and Culture of East Asia, Vol. II)]. Novosibirsk: Nauka, 1974, 210 p. (in Russian).

Materialy po istorii Kazakhstana i Tsentral'noy Azii [Materials on the history of Kazakhstan and Central Asia]. Vyp. 1. Sost. i otv. redaktor Zh. M. Tulibayeva. 2-ye izd., ispr. [Issue 1. Compiled and edited by Zh. M. Tulibayeva. 2nd ed., corrected]. Astana: Izdatel'stvo GU Natsional'nogo tsentra arkhografii i istochnikovedeniya, 2011. 276 p. (in Russian).

Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii [Materials on the history of the Kirghiz and Kirghizia]. Vypusk 1 [Issue 1]. Moscow: Nauka, 1973, 280 p. (in Russian).

Pagsam-dzhonsan: Istoriya i khronologiya Tibeta [Pagsam-dzhonsan: History and chronology of Tibet]. Per. s tib. yaz., predisl., komment. R. E. Pubaeva [Transl. from Tibetan, preface, commentary by Dr. of Historical Sciences R. E. Pubaev]. Moscow: Nauka, 1991, 260 p. (in Russian).

Ramstedt G. I. Etimologiya imeni Oirat [Etymology of the Oirat name]. *Sbornik v chest' semidesyatiletiya G. N. Potanina. Zapiski IRGO po otdeleniyu etnografii* [Collection in honor of the seventieth anniversary of G. N. Potanin. IRGO Notes on the ethnography department]. T. XXXIV. [Vol. XXXIV] St. Petersburg: Tipografiya V. U. Kirshbauma (otdelenie), 1909, pp. 547–558 (in Russian).

Sanchirov V. P. “Kalmaki” v “Istorii” turetskogo avtora XVI v. Seyfi Chelebi [“Kalmaks” in the “History” of the Turkish author of the 16th century Seyfi Chelebi]. *Maloissledovannyye istochniki po istorii dorevolutsionnoi Kalmykii i zadachi ikh izucheniya na sovremennom etape* [Little researched sources on the history of pre-revolutionary Kalmykia and the tasks of their study at the present stage]. Elista: Kalmytskii NII istorii i filologii, 1987, pp. 6–27 (in Russian).

Sharaf ad-Din Ali Yazdi. *Zafar-Name* [Zafar-Nameh]. Per. so starouzbekskogo, komm. A. Akhmedova [Translated from Old Uzbek, commented by A. Akhmedov]. Tashkent: SANAT, 2008, 484 p. (in Russian).

Tenishev E. R., Todaeva B. Kh. *Yazyk zhyoltykh uigurov* [The language of the Yellow Uyghurs]. Moscow: Nauka, 1966, 84 p. (in Russian).

Tizengauzen V. G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy* [Collection of materials related to the history of the Golden Horde]. *Tom II. Izvlecheniya iz persidskikh*

sochinenii, obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym [Vol. II. Extracts from Persian works, processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941, 308 p. (in Russian).

Uspenskii V. Strana Kuke-Nor, ili Tsinkhai, s pribavleniem kratkoi istorii oiratov i mongolov, po izgnanii poslednikh iz Kitaya, v svyazi s istoriei Kuke-Nora [The country of Kuke-Nor, or Qinghai, with the addition of a brief history of the Oirats and Mongols, after the expulsion of the latter from China, in connection with the history of Kuke-Nor] *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]. 1880, Tom 6 [Vol. 6], pp. 59–196 (in Russian).

Vladimirtsov B. Ya. Obshchestvennyi stroi mongolov. Mongol'skii kochevoi feodalizm [Social system of the Mongols. Mongolian nomadic feudalism]. *Vladimirtsov B. Ya. Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov* [Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002, pp. 295–488 (in Russian).

Zhyoltaya istoriya (Shara tudzhi) [Yellow history (Shara tuji)]. Per. s mong., transliter., vved. i komm. A. D. Tsendinoi [Trans. from Mongolian, transliteration, introduction and commentary by A. D. Tsendina]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2017, 406 p. (in Russian).

Zlatkin I. Ya. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva 1635–1758*. [History of the Dzungar Khanate. 1635–1758]. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983, 332 p. (in Russian).

Zotov O. V. *Kitai i Vostochnyi Turkestan v XV–XVIII vv. Mezghosudarstvennye otnosheniya* [China and Eastern Turkestan in the 15th–18th centuries. Interstate Relations]. Moscow: Nauka, 1991. 168 p. (in Russian).

A Newe Mape of Tartary. *David Rumsey Map Collection*. URL: <https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/workspace/handleMediaPlayer?lunaMediaId=RUMSEY~8~1~285388~90058061> (accessed March 20, 2025).

Bretschneider E. *Medieval Researches from Eastern Asiatic sources*. London, 1888, Vol. II, 352 p.

Das S. Ch. *A Tibetan-English Dictionary*. Calcutta: Published by the Bengal Secretariat Book Depot, 1902, 1353 p.

Dictionary of Ming Biography. 1368–1644. Vol. 2. New-York; London: Columbia University Press, 1968, pp. 1023–1751.

Elverskog J. *The Pearl Rosary. Mongol Historiography in Early Nineteenth Century Ordos*. The Mongolia Society, Inc., 2007, 196 p.

Hodong Kim. The Early History of the Moghul Nomads: the Legacy of the Chaghatai Khanate. *The Mongol Empire and its Legacy*. Ed. by Reuven Amitai-Preiss and David O. Morgan. Brill, 1999, pp. 290–318.

Islam and Tibet: Interactions Along the Musk Routes. Ed. Anna Akasoy, Charles Burnett, Ronit Yoeli-Tlalim. Ashgate, 2011, 391 p.

Jagchid S. Trade, peace and war between the nomadic Altaics and the agricultural Chinese. *Bulletin of the Institute of China Boarder Aare Studies*, 1970, № 7.

Jamsran L. Attempts to Overcome a Crisis of State: the Oirats Gain in Strength. *The History of Mongolia*. Vol. II. Part 3. Yuan and Late Medieval Period / ed. by D. Sneath and C. Kaplonski. Global Oriental, 2010, pp. 497–507.

Karmay H. *Early Sino-Tibetan Art*. Aria & Phillips ltd., 1975, 128 p.

Kwanten L. H. M. *Tibetan-Mongol Relations during the Yuan Dynasty. 1207–1368*. PhD diss. University of South Carolina Press, 1972, 131 p.

Miyawaki J. The birth of the Oyirad khanship. *Central Asiatic Journal*. 1997, no 41/1, pp. 38–75.

Mongols, Turks and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World. Ed. by Amitai Reuven and Biran Michal. Brill, 2005, 550 p.

Moses L. W. *The Political Role of Mongol Buddhism*. Indiana University Uralic Altaic Series. Vol. 133. Indiana University Press, 1977, 299 p.

Petech L. Tibetan Relations with Sung China and with the Mongols. *China Among Equals. The Middle Kingdom and its Neighbors, 10th — 14th Centuries* / ed. by M. Rossaby. Berkeley: University of California press, 1983, pp. 173–203.

Roerich G. *The Blue Annals*. Parts 1–2. Delhi, Patna, Varanasi: Motilal Banarsidass, 1949, 1275 p.

Rossabi M. *Khubilai Khan. His Life and Times*. Berkeley: University of California Press, 1988, 352 p.

Sela R. Central Asian Muslims on Tibetan Buddhism, 16th–18th Centuries. *Trails of the Tibetan Tradition. Papers for Elliot Sperling* / ed. by Roberto Vitali with assistance from Gedun Rabsal and Nicole Willock. Dharamshala (H. P.), India: LTWA, 2014, pp. 345–359.

Serruys H. The Office of Tayisi in Mongolia in the fifteenth Century. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 1977, vol. 37, no 2, pp. 353–380

Sneath D. *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and the Misrepresentation of Nomadic Inner Asia*. Columbia University Press, 2007, 273 p.

Tibetan Vocabulary URL: <https://sites.google.com/view/tibvocab/home> (accessed May 25, 2025).

Tshal pa kun dga rdo rje brtsams. *Deb ther dmar po* (Red Book). Beijing, 1981, 955p. (in Tibetan).

Tucci G. *Tibetan Painted Scrolls*. Vol. 1. Roma, 1949, xv+327 p.

Vitaly Roberto. *Early bka' brgyud pa Masters in the Lands on the "Upper Side" (1191–1344)*. Dharamshala: Mutag books, 2024, 390 p.

Wylie T. V. The First Mongol Conquest of Tibet Reinterpreted. *Harvard Journal of Asian studies*. 1977, Vol. 37, no 1, pp. 103–133.

Wylie T. V. *The Geography of Tibet According to the "Dzam-gling-rgyas-bshad"*. Roma: Is. M. E. O., 1962, 286 p.

Ljjei G. *Oyirad-un teüke šasin-u sudulul* [A Study of History of Buddhism among the Oirats]. Urumji: Šinjijyang-un arad-un keblel-ün qorii-a, 2002, 248 p. (in Old Mong.)

明师 [Míng shī]. 卷331 [volume 331]. 列传第219节 [biographies, chapter 219]. 西域 [western regions] 第3部分 [part 3]. , pp. 8571–8591 (in Chinese).

Статья поступила в редакцию: 08.07.2025

Принята к публикации: 10.11.2025

Дата публикации: 29.12.2025